Глава 341 — Желание покинуть гору.

Фанчжэн кивнул: “В таком случае. Амитабха. Покровитель, спасибо за то, что ответили на мой вопрос. Доброй дороги.”

И высказав это, Фанчжэн развернулся и ушёл в алтарный зал.

Цао Цань был ошарашен подобными действиями. Что этот монах, вообще, имел в виду? Он что, знал о том, что я планирую сделать? Ну и придя к подобному умозаключению, Цаю Цань плотно насупил брови. Он был уверен в том, что он не упоминал его идею, ни перед кем. И после того, как он поразмышлял еще в течение минуты, он ушёл из монастыря вместе с Цао Сюэкэ.

И на обратном пути, Цао Сюэкэ из-за своей наивности спросила: “Папочка, когда девочка-утка умирает, утке-мальчику так же приходилось умирать. Мне их так жалко. Если бы я, была бы уткой-девочкой, то я бы хотела, чтобы утка-мальчик продолжал жить радостной и счастливой жизнью.”

Тело Цао Цаня, аж вздрогнуло от этих слов и затем, он шёпотом спросил: “А что, если смерть утки-мальчика, могла спасти утку-девочку?”

“Я бы не хотела, чтобы он так поступал. Если утка-девочка умрёт, то утке-мальчику будет очень грустно. И из-за этого, он так же умрёт. И без утки-мальчишка, утка-девочка так же будет сильно грустить и в итоге, она тоже умрёт.” — Ответила Цао Сюэкэ, когда она плотно сжала зайчика в объятьях.

Цао Цань больше не сказал ни слова, и он продолжил вести Цао Сюэкэ за собой, вниз с горы. Они поехали домой на мотоцикле, и во время поездки, мысли Цао Цаня, постоянно где-то блуждали.

И в этот момент, мысли Фанчжэна, так же где-то блуждали. Ведь сегодня, после активации Небесного Глаза, он увидел кое-что, чего бы он никогда не хотел бы видеть.

“Эх-эх-эх, Амитабха.” — Фанчжэн сложил ладони вместе и затем, он проговорил Буддийскую прокламацию.

И когда они прибыли домой, Цао Цань не стал заходить внутрь дома. Вместо этого, он высадил Цао Сюэкэ у двери и тут же поехал на работу. Однако же, он не заметил того, что Цао Сюэкэ, так же не стала возвращаться домой. Вместо этого, она украдкой убежала из дома, с корзинкой в руках.

В этот день, Цао Цань продолжил усердно работать и в сверхурочные часы. Однако же, у него, в разуме, продолжали мелькать сцены, о которых он услышал из слухов. И тем временем,

каждый раз, когда он размышлял о своей идее, он вспоминал о вопросе, что ему задал Фанчжэн и об ответе Цао Сюэкэ. Всё это дело, заставило его почувствовать смешанные эмоции. И сейчас, он был слегка потерян.

Но, в тот момент, когда он вернулся домой, он застал Ли Сян, залитую слезами.

Сердце Цао Цаня пропустило удар и затем, он подбежал к ней и спросил: “Что случилось?”

“Не заходи внутрь. Она только заснула.” — Остановила его Ли Сян.

И только тогда Цао Цань вздохнул от облегчения. Он присел и спросил: “Не плачь. Всё будет хорошо.”

“Да, всё не так, как ты думаешь. Вот, посмотри на это.” — Ли Сян указала пальцем на небольшую корзинку, полную грибов. Там находились всевозможные грибы, включая цветастые и яркие. Очевидно, что они были ядовиты.

Цао Цань нахмурился и спросил: “Ты их собрала? Некоторые из них ядовитые. Да и обычные грибы, практически ничего не стоят. И к тому же, они собраны совсем уж топорно.”

“Нет, их собрала Сюэкэ.”

Цао Цань был ошарашен этими словами, и он, на какое-то время, замолчал. И лишь затем, через какое-то время, он наконец-то спросил: “Это дитя…”

“Когда она вернулась домой, она очевидно, что была очень слаба. Я позволила ей поспать на кирпичной кровати.”

И уже глубокой ночью, Цао Цань сел на кирпичную кровать и обнял Цао Сюэкэ: “Цао Сюэкэ, зачем ты сегодня пошла собирать грибы?”

“Папочка, ты каждый день ешь лишь блины. Я хотела сделать для тебя, ну хоть что-нибудь приятное. Ты ведь всегда любил кушать грибы. Но затем, тебе пришлось работать все дни напролёт и у тебя больше не было времени, чтобы собирать грибы.” — Цао Сюэкэ улыбнулась очень сладкой и милой улыбкой, и она заставила сердце Цао Цаня так же почувствовать большую сладость. Однако же, глубоко в его сердце, находилась жгучая боль и всё же, он продолжил улыбаться.

Находясь рядом с ними, Ли Сян отвернулась от дочери, ведь она, очевидно, что больше не могла сдержать слёзы.

“Папочка, Мамочка, я уже выросла. Этим утром, я очень далеко зашла на горе, и я собрала там

много грибов. Когда я стану старше, я пойду в школу. Я слышала от дядечек и тётушек, что для меня будет доступно много разнообразных вакансий, после того как, я закончу школу. Я смогу купить много красивой одежды и много вкусной еды. И когда придёт время, я смогу купить для вас много вещей!” — Цао Сюэкэ помахала своими крошечными ручками, когда её глазки превратились в два полумесяца, от улыбки. В её руках находился зайчик без одного ушка, но его голова, по какой-то причине, была опущена.

Цао Цань наконец-то принял решение, увидев настолько разумной была его дочь: «Независимо ни от чего...»

На следующий день, когда небо слегка посветлело, Фанчжэн лениво потянул спинку, перед тем как, очистить алтарный зал, и перед тем, как позавтракать.

Обезьяна уже давным-давно сбегала, чтобы открыть монастырские двери, но за ними, сегодня, не было никого. И во время еды, Обезьяна спросила чисто из любопытства: “Учитель, а почему, те два покровителя, что приходили вчера, сегодня не пришли?”

Фанчжэн мягко произнёс: “Они тут, если они приходят и их тут нет, если они не приходят. Так почему они должны приходить?”

Обезьяна была поставлена в тупик этими словами и затем, она почесала затылок: “Ну, они ведь часто приходили к нам, ранним утром.”

Красный Мальчишка был намного умнее Обезьяны. И закатив глаза, он спросил: “Учитель, что-то случилось? Должны ли мы спуститься с горы?”

“Для чего?”

“Чтобы их спасти! У них были неприятности и как последователи Буддийского пути, разве мы не должны спасать людей?” — С праведностью в голосе, произнёс Красный Мальчишка, но лишь он сам знал, что было у него на уме.

Одинокий Волк надулся от обиды и сказал: “Младший Брат, всё что ты хочешь сделать, это спуститься с горы, чтобы там поиграть, верно же? Только посмотри на себя. Ты уже настолько устал, призывая дождь, каждый день. Что ты даже не выходил из комнаты, в течение дня. И даже если ты выйдешь из монастыря, у тебя вообще будут силы, чтобы хоть что-нибудь сделать? Учитель, а что вы думаете насчёт меня?”

Красный Мальчишка тут же встревожился. Он и вправду симулировал, но это происходило потому, что у него были способности, к симуляции симптомов болезней! И неважно настолько приятно было находиться на вершине горы, ведь это была лишь очень маленькая зона и она становилась скучной, уже через небольшое количество времени. И для него, было очень трудно заполучить шанс на то, чтобы с неё уйти, так что, ему, естественно, нужно было усердно работать, чтобы ухватиться за подобную возможность. Он посмотрел на Фанчжэна со

слезящимися глазами, и он ожидал того, когда Фанчжэн даст на это, своё разрешение.

“Я уже ранее упоминал. Что каждый из вас, получит шанс на выход в мир. И что это будет происходить в определённом порядке. Первый кто вышел в мир, был Цзинсинь и из-за особых обстоятельств, Цзинсинь вышел в мир и во второй раз. Но сейчас уже будет третий раз.”

Одинокий Волк, Белка, Обезьяна и Красный Мальчишка, вытянули свои шеи и расширили свои глаза, когда они с нетерпением смотрели на Фанчжэна.

Фанчжэн отложил палочки для еды, в сторону: “Решено. Сегодня будет очередь Обезьяны.”

“Ай-йа-йай! Ай-йа-йай! Ай-йа-йай! Я чувствую головокружение. Кажется, сегодня не будет идти дождь.” — В тот же момент, когда Красный Мальчишка это и услышал, он тут же схватился за голову, и он начал притворяться больным.

Из-за этого, Обезьяна не на шутку перепугалась. И хотя, Красный Мальчишка и был довольно большим обманщиком, всё же, восполнение уровня грунтовых вод, через дождь, всё еще зависело, лишь от него. И что произойдёт, если он прекратит призывать дождь? И в тот момент, когда Обезьяна уже хотела что-то сказать, она услышала ехидно смеющегося Фанчжэна: “Цзинсинь, если у тебя настолько сильная мигрень, то иди и отдохни. А на меня внезапно снизошло озарение на зачитывание священных писаний, и я планировал серьёзно ими заняться и поэтому, я буду зачитывать их в течение трёх часов к ряду.”

В тот момент, когда Красный Мальчишка это и услышал, он сел поровнее и выпрямил спину, а затем, он как-то сухо прокашлял: “Учитель, ради деревенских жителей, что жили у подножия горы и ради справедливости этого мира, ради... ради...” — Это дитя внезапно почувствовало, что у него не хватает словарного запаса и поэтому, он сразу же перешёл к заключению: “Вкратце, я всё ещё могу это делать. И я буду продолжать!”

“Тогда, дождь, всё ещё, будет выпадать?”

“Ну конечно же! Точно будет!”

“Ох, ты и вправду прознал как правильно использовать северо-восточный акцент. Ладно, продолжай кушать.” — И после того, как Фанчжэн это и высказал, все продолжили кушать свои завтраки. И после завтрака, Фанчжэн повёл Обезьяну вниз, с горы.

В тот момент, когда они достигли подножия, Фанчжэн повёл Обезьяну, прямой наводкой, прямиком из деревни. У Фанчжэна было нечёткое представление о том, где Цао Цань и проживал, так как он видел большое количество дорожных знаков и пейзажей, в воспоминаниях Цао Цаня. Так же, там, в воспоминаниях, была угольная шахта, которых во всём уездном городе Суну, была лишь одна штука. Ну и поэтому, было несложно вычленить, где именно находился дом Цао Цаня, из всех этих подсказок и улик.

Фанчжэн покинул деревню Одного Пальца, с обезьяной у него на хвосте. И они тут же начали бежать по дороге, потому что им не было доступно никаких средств передвижения. И всё что они могли делать, это бежать.

Обезьяна следовала за Фанчжэном, с горьким взглядом на лице. Если бы он знал, что ему придётся бежать, то он точно бы не стал покидать гору. Сколько эта пробежка вообще займёт времени? Ну и так как сейчас, всё еще было очень рано, на этой дороге вообще не было трафика и тут не было ни одной машины, которая могла бы их подбросить до цели. Вот поэтому, Мужчина и Обезьяна, бежали в горести и страданиях.

http://tl.rulate.ru/book/17996/739473